

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

КОМИ-НЕНЕЦКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

1. История коми-ненецких межъязыковых контактов. Временем появления ненецких (самодийских) племен на Европейском Севере считается конец I — начало II тыс. н. э. (Жеребцов 1982 : 157). К этому же времени относятся первые письменные упоминания о самоедах в Начальной летописи (1096 г.): «Югра же людие суть язык нем и соседять с Самоядью на полунощных странах» (ПСРЛ 1962 I 234—235). С XVI в. среди населения Европейского Севера регулярно упоминаются самоеды (ненцы)

До середины XV в. исторические документы не приводят каких-либо подробностей о встречах коми и ненцев, хотя они, несомненно, должны были быть, так как ненцы-кочевники заходили далеко на юг в леса Печоры, Мезени и Вычегды, где жили и промышляли коми-охотники. Кроме того, в XII—XIV в. коми принимали активное участие в многочисленных походах новгородских и московских дружин за «мягкой рухлядью» в «печеру, югру и самоедь». Можно не сомневаться, что первое знакомство коми с ненцами произошло уже примерно в XII—XIV вв.

К XVI в. относится освоение двух крупных селений — Усть-Цильмы и Ижмы. Возникновение Усть-Цильмы датируется 1542 г. и связано с именами новгородцев Ивашки Дмитриева Ластка и Власко (Краткое 390). В 1567 г. была основана Ижемская слободка (История 39), где стали селиться русские из Усть-Цильмы и удорские коми. Небольшую часть первых насельников составляли семь семейств ненцев из Карачейского рода. Коми из Ижемской слободки начали осваивать низовье Печоры и ее притоки. С середины XVII в. активизируется экономическое и культурное сближение коми и ненцев. Ижемские коми заимствовали у ненцев оленеводство и стали осваивать отдаленные районы тундры. В XVIII в. отдельные коми уже имели по несколько тысяч голов оленей (Хомич 1976 : 140). Расселение коми в более северных районах, заимствование ненецкого оленеводства наложили отпечаток на этнический облик и на язык обоих народов.

Постоянные связи в культурно-хозяйственной сфере и регулярные семейно-брачные отношения между коми и ненцами привели к широкому распространению среди ненцев ижемского диалекта коми языка. Вот что поведал о самоедах Ижемского ведомства участник Академической экспедиции 1768—1774 гг.: «Из сих Самоедов весьма малая часть говорит по Российски, но по Зырянски почти все разумеют» (Лепехин 1805 : 247). В середине XIX в. о тех же ижемских самоедах писал В. Иславин: «до того уже привыкли к Зырянскому языку, что говорят между собой не иначе, как по Зырянски, а родной язык свой почти и забыли...» (Иславин 1847 : 107). В начале XX в., по заявлению этнографа и лингвиста Г. А. Старцева, «от Оби до Печоры почти не будет

Самоеда, который не умел бы говорить на языке ижемских Зырян» (Старцев 1930 : 16).

На северо-западе Советского Союза в 1959 г. проживало 5320 ненцев, из них 1360 считали своим родным коми язык (Жданов 1967 : 45). По утверждению специалистов, распространение ижемского диалекта коми языка среди жителей Большеземельской тундры в последние десятилетия растет. В поселках Кара, Каратайка и других, помимо русского, языком бытового общения служит коми (Хомич 1980 : 60).

Регулярные семейно-брачные связи, которые существовали в зоне контактов коми-ижемцев и ненцев, привели к образованию специфической этнографической группы колвинских ненцев, или колвинцев, которая полностью перешла на ижемский диалект коми языка. Колвинцы на территории Коми АССР живут по р. Печоре и ее основным притокам — Адзьва, Ижма, Инта, Колва, Уса. Их можно встретить и в пределах Ненецкого автономного округа, по всей европейской тундре, а также за Уралом, по Оби. Самоназвание колвинцев *колва яран* означает по-коми 'колвинский ненец'. Этим они отличают себя от *тундра яран* 'тундровый ненец' или *выненьчи* (нен. *вы'ненэця*'' 'тундровые ненцы').

Большинство колвинцев сохраняют осознание своей принадлежности к ненецкой народности, память о том, что их предки говорили на ненецком языке. Поскольку в колвинских семьях, как правило, мужьями были ненцы (жены обычно коми-ижемки), то ненецкие фамилии, входящие к родовым названиям или прозвищам, передавались из поколения в поколение. Некоторые дошли до наших дней. По исповедным росписям Колвинской церкви за 1916 г. этнограф В. И. Васильев установил следующий фамильный состав колвинских ненцев: *Ате, Бацманов, Бутаков, Вонгуев, Высокий, Дзель-Таганов, Едов, Епсо, Ензов, Зотов, Косков, Лабазов, Ламбэ, Ломин, Лукерич, Лымин, Манзадей, Мольков, Нарта, Орнин, Офоньков, Падров, Пьянков, Рокин, Сюлов, Сядей (Рокин), Сандо, Тасин, Убков, Хенерич, Хасович, Хахле, Чаков, Чаев, Юсев* (Васильев 1979 : 153—154). Отметим фамилии колвинских ненцев, извлеченные нами из поименного списка самодийского населения на территории Ижмо-Печорского уезда (без с. Колвы) по состоянию на 1926 г.: *Барсанов, Валеев, Валей, Валейский, Ванюта, Ванютин, Великанов, Вонокан, Выучейский, Ледков, Логей, Лымин, Панзеда, Паньков, Пердков, Пудков, Пыркин, Рубчев, Сядейский, Сядей, Сора, Таганов, Танзов, Тасин, Утти, Хатанзей, Хатанзейский, Хенерин, Чаклинов, Юлин, Юсев, Янзин* (ЦГА, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 241). По состоянию на июль 1983 г. в с. Колва встречались следующие фамилии ненецкого происхождения: *Батманов, Босманов, Вонгуев, Зотов, Косков, Лабазов, Манзадей, Мольков, Мохте, Падров, Патраков, Пьянков, Рока, Рокин, Таганов, Хатанзейский, Хенерин, Чаев*.

Образование колвинской группы ненцев связано с основанием Колвинского погоста в низовьях р. Колва — правого притока р. Усы. В 1825—1830 гг. духовная миссия, во главе с архимандритом Вениамином, обращала в христианство ненцев Канинской, Большеземельской и Малоземельской тундр. В течение пяти лет было обращено в христианство 3303 ненца (Вениамин 1855 : 114). В 1830—1835 гг. построены три церкви, в том числе для самодийцев Большеземельской тундры на р. Колва. Выбор места для строительства церкви оказался не случайным — здесь издавна проходили пути ежегодных кочевий ненцев, располагались святилища. Крещенные самодийцы, оседло поселившись в с. Колве, построили 12 деревянных изб, обзавелись лошадьми, занялись скотоводством, наряду с рыболовством и охотой практиковали даже огородничество (Вениамин 1855 : 130).

В 1840-х годах в с. Колве побывал М. А. Кастрен, где изучал коми язык и ижемское наречие ненецкого языка. Он увидел «девять жалких избышек, в которых живут бедные самоеды, принявшие и язык и обычаи зырян» (Кастрен 1860 : 163).

По переписи 1897 г. в с. Колва было 55 «самоедских» хозяйств и проживало 354 человека (164 мужчины и 190 женщин) (ЦГИА, ф. 1290, оп. 11, д. 33).

К началу нынешнего столетия колвинские ненцы почти полностью комизировались. Н. Н. Мамадышский, производивший в 1909 г. подворно-экономическое обследование поселений по р. Усе, обнаружил, что «из 50 обследованных дворов с. Колвы оказались только два домохозяина-старика, вполне владеющих самоедским языком, и 7 домохозяев — самоеды дали следующие ответы о своем родном языке: «знаю плохо», «знаю слабо», «знаю только отдельные слова». Причем все это старое поколение Колвы и только домохозяева. Семейные же и более молодое поколение совсем не знают родного языка. В 41 дворе совершенно нет знающих самоедский язык» (Мамадышский 1910 : 64).

В 1916 г. в Колве «самоедское» население составляло 65 семей или 433 человека обоего пола (Васильев 1979 : 154). Через десять лет по состоянию на 17 марта 1926 г. в Колвинской волости проживало 558 ненцев (271 мужчина и 287 женщин) (ЦГА, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 241). Всего по переписи 1926 г. в области Коми проживало 2080 ненцев (1072 мужчины и 1008 женщин) (Старцев 1930 : 9).

В июле 1983 г. мы специально исследовали «ненецкое» население с. Колвы. Все они официально числятся коми, родным языком является ижемский диалект коми языка. Ни один из опрошенных нами информаторов ненецкого языка не знал, за исключением отдельных слов. Вместе с языком колвинцы переняли и коми обычаи. Так процесс перехода колвинских ненцев на коми язык полностью завершен.

Результатом длительного взаимодействия коми и ненцев оказалось уникальное устно-поэтическое явление — ижмо-колвинский героический эпос (Микушев 1970 : 231—238; 1973 : 62—80). Исполняется он исключительно на коми языке, однако его содержание, образы действующих лиц и их имена — ненецкие.

2. О происхождении этнонима *яран*. *Яран* — коми название ненцев, но в верховьях Печоры, например, в с. Троицко-Печорске, так называют хантов (остяков). Считается, что это слово обско-угорского происхождения (Rèdei 1964 : 4; ҚЭСК 337). В форме *еран*, *яран* оно встречается и в севернорусских говорах, где также является заимствованием из обско-угорских языков (Кальман 1952 : 256; Матвеев 1959 : 81). Диалектологический и этимологический словарь хантыйского языка не дает происхождения *яран* (DEWOS 406—407). Это наталкивает на мысль о том, что слово может быть не обско-угорского происхождения. Факт заимствования коми *яран* из обско-угорских языков вызывал сомнение у Вихманна и Утила (SW 74), а также у Ю. Тойвонена (Toivonen 1956 : 104). Разные взгляды на происхождение этнонима *яран* приводятся в обширной статье П. Хайду (Hajdú 1948—1950 : 20—32).

Слово *яран* встречается во всех коми диалектах : вв. иж. л. нв. печ. скр. уд. *яран* 'ненец, ненцы', иж. *выненъчи яран* 'ненцы, говорящие на родном (ненецком) языке', *изъватас яран* 'ненцы, говорящие на коми-ижемском наречии' (ССКЗД 455), *колва яран* 'колвинские ненцы', *тундра яран* 'тундровые ненцы', с. л. *jaran* 'ein Volk irgendwo im Norden in der Gegend der Vycęgda'; лет. 'die im Norden wohnenden Syrjänen. im Norden wohnender Syrjäne' (SW 74), уд. *яраника* 'ненка' (ССКЗД 455).

Этноним *яран* прочно вошел в устойчивые и фразеологические выра-

жения: печ. *яран гөрөд*, иж. *яран гөрөд* 'узел захлестом, удавный' (ССКЗД 89), уд. *яран гөрөд* то же, сс. *йаран дад* 'заостренная с одного конца толстая доска для катания с гор, одна из плоскостей которой заделана льдом (облита водой) для лучшего скольжения' (ССД 92), вс. *йараника код* 'бойкий, смелый' (ВСД 179), нв. *йаран койд зил* 'очень трудолюбивый; бойкий', иж. *яран пуртос, пастьом йаран* — так называют человека, у которого грудь нараспашку или пальто нараспашку (НВД 102), иж. *яран дадь бёрысь колема койд* 'беспомощный', букв. 'как отставший от нарты ненец', скр. *кизьтём яран* — так называют у кого грудь нараспашку, пальто нараспашку (ССКЗД 455), уд. *мытьтём яран* 'некрасивый ненец', *коч съёлёма яранъес* 'пугливые (букв. с заячьим сердцем) ненцы', *лём тусь синма яранъес* 'ненцы с глазами что ягодки черемухи', *яран личё (сьёд, паськыд личёа)* 'ненецкое лицо (смуглое, широкое)', *чус яран ляс, яран намет* 'совсем как ненецкое лицо, ненецкое обличие (некрасивое)', *яран намет койд тагыд личё* 'как у ненцев плоское лицо', *яраника койд* 'подобный ненке — так говорят о трудолюбивой женщине', *яраника койд пинясьысь* 'бранливая как ненка'.

Слово *яран*, вероятно, появилось в коми языке в то время, когда ненцы жили в южных районах Коми края и носили распашную одежду. Оно образовано от названия одного из ненецких родов *Яр* при помощи словообразовательного суффикса *-ан* по типу: *джекан* 'пузан, карапуз' от *джек* 'чурбан', *лекан* 'толстая щепка (откалываемая при обтеске брусьев. шпал и т. п.)' от *лек* 'обрубок жерди', *туган* 'вершина, верхушка (дерева)' от *туг* 'кисть, косточка', иж. *пельлян* 'шапка-ушанка' от *пель* 'уха'. Род *Яр* входил в фратрию *Вануйта* (Долгих 1970 : 100). Фамилия *Ванюта*, образованная от названия этой фратрии, является одной из распространенных среди комизированных ненцев.

Позднее коми *яран* было заимствовано обско-угорскими языками (хант. *ja-rən*, манс. *jārən*) по типу *пызан* 'стол' < хант. *pəsà'n*, манс. *pāsən*. По данным Ю. Тойвонена (Toivonen 1956 : 1—169) и К. Реден (Rédei 1970), хантыйский и мансийский языки заимствовали из коми языка по девять слов с суффиксом *-ан*.

Этноним *яран* активно входит в состав географических названий. Ниже приводятся некоторые из них с указанием бассейна рек:

бас. Вычегды: оз. *Ярант* (> *Яранты*), поле *Ярансойтдор*, уроч. *Яранчой*, *Яранчойнёзь*, ручей *Яраншор*;

бас. Мезени: р. *Яранъель*, уроч. *Яранкыр*, луг *Яранласта*, бор *Яранъяг*;

бас. Печоры: уроч. *Яранбёк*, возв. *Яранвадегачелья*, луг *Яранвидз*, р. *Яранвож*, уроч. *Яранвёрга*, о-в *Ярандї*, залив *Яранкурья* (два), возв. *Яранмусор*, р. *Яранпаселья*, приток Илыча; протока *Яраншар*, руч. *Яраншор*, приток р. Дзёля Каменка. На территории, заселенной русскими, низовья Печоры: *Еранская*, приток Мыла; *Еранский Мег* на Пижме или *Еран-на-Пижме*; *Верхний Яранский*, приток Пижмы.

Ареал распространения этнопонимов на *яран* только частично совпадает с ареалом ненецких топонимов (Туркин 1979 : 79—85).

Слово *яран* известно в севернорусских говорах на ограниченной территории. Топонимический ареал распространения этнопонимов *Еранская*, *Еранский Мег*, *Яранский* свидетельствует о том, что в русский язык *яран* могло попасть и из коми языка.

3. Коми лексические заимствования в ненецком языке. Вопросы коми-ненецких языковых контактов до настоящего времени изучались односторонне. Увлечшись выявлением ненецких заимствований в коми языке, исследователи не обращали внимания на возможность обратного влияния. На эту тему нет ни одной работы, хотя в некоторых словарях ука-

зывается на направление заимствования коми слов. Данную статью, отнюдь не претендующую на полноту изложения вопроса, можно считать первой попыткой подобного рода.

Ненцы заимствовали у коми большое количество слов, различающихся по тематике и обозначающих ранее не известные ненцам предметы и понятия. Это прежде всего термины земледелия, животноводства, ткачества, названия предметов домашнего обихода. Заимствование коми слов шло исключительно устным путем, поэтому они подверглись интенсивной фонетической и морфологической перестройке, приспособились к фонетическому строю ненецкого языка. Заимствования в основном исходили из ижемского диалекта коми языка, с которым ненецкий язык уже длительное время непосредственно контактирует. Хотя ненецкие заимствования в коми языке указывают, что с ненецким языком контактировали и другие диалекты коми языка (в частности, вымский, печорский, удорский).

Через посредство коми языка в ненецкий язык проник ряд слов русского происхождения и поэтому включение их в список коми заимствований вполне правомерно.

Коми заимствования в ненецких говорах различаются по своей распространенности. Вероятно, в южных пограничных с коми языком говорах их было больше. К сожалению, один из таких говоров (наречий) ненецкого языка полностью исчез. М. А. Кастрен в 1840-х годах еще выделял и исследовал особое ижемское наречие (Castrén 1856 : 247; Кастрен 1860 : 160, 473). В какой-то мере лексика этого наречия нашла отражение в работах А. Шренка (Schrenk 1854), А. В. Журавского (1903) и Г. А. Старцева (1930).

В связи с этим несколько затруднительно проверить, в какой мере коми язык мог повлиять на морфологическую структуру ненецкого языка. Отметим, что Б. А. Серебренников все же находит следы влияния коми языка на глагольную систему ненецкого языка. Он отмечает, что в ненецком языке притяжательный суффикс 2-го лица единственного числа может употребляться в значении анафорического определенного артикля. В таких случаях данный суффикс используется как особое средство экспрессии, приближающее содержание речи к собеседнику. Например, когда речь идет о ком-нибудь (например, о вороне *варнгэ*), то первый раз слово употребляется без притяжательного суффикса, второй раз рассказчик может уже сказать *варнгэр* 'ворона-то твой'. Нечто подобное наблюдается и в коми языке: *Поп ёти бадь дорысь кёчёс аддзис, кёч вылад попыд уськёдчис, а кёчыл бадь пиад и пырис* 'Увидел поп под кустом зайца. Бросился твой поп на твоего зайца, а заяц-то твой под куст забрался'.

Прошедшее время с показателем *-сь* типа *манзарадамзь* 'я работал', *манзаранась* 'ты работал' и т. д. могло быть образовано по модели аналитического прошедшего времени в коми языке: *уджала вёлі* 'я работал тогда', *уджалан вёлі* 'ты работал тогда' и т. д. (Серебренников 1976 : 105).

Наиболее проницаема все же лексика, через которую попадают в язык как фонетические, так и морфологические явления. Мы считаем возможным включить в число коми заимствований следующие ненецкие слова:

ватлан 'ведро (железное); бак для воды' (НПС 51, 927) встречается только в ижемском диалекте коми языка. Как коми, так и ненецкое слово имеют совершенно одинаковые значение и звуковую оболочку, поэтому среди ученых не было по этому поводу единогласия. К. Реден под двумя вопросами считал коми слово ненецкого происхождения, хотя

не исключал и обратный процесс, т. е. ненцы данное слово могли заимствовать у коми (Rédei 1963 : 298). В. И. Лыткин не отрицал оба направления заимствования (КЭСК 48). По мнению Е. С. Гуляева, *ватлан* происходит от коми **ватланы*, **ваткылавны* 'ковать, отбивать'; первоначально *ватлан* < **ваткалан* 'сосуд, выкованный из цельного листа металла'. Таким образом, *ватлан* по происхождению коми и направление его заимствования ясно (КЭСК Доп. 12). Мы не отрицаем коми происхождения слова *ватлан*, но некоторые моменты требуют уточнения. Во-первых, вызывает сомнение сам факт реконструкции **ватланы*, **ваткылавны*. Для сравнения приводится только комиЯ *ваткално* 'бить, колотить, отбивать (косу)'. Из диалектов коми-зырянского и коми-пермяцкого языков параллели не упоминаются. От сравнительно молодого ижемского диалекта до коми-язьвинского языка расстояние велико как во временном, так и в географическом отношении. Нам кажется, что начальная форма слова *ватлан* была *ва ваялан* 'то, чем носят воду'; *ва ваявны* 'носить воду'. Так вполне могли назвать только что появившуюся новую удобную железную посуду, так как в ижемском и удорском диалектах словом *ведра* уже было названо 'деревянное ведро' (ССКЗД 41). Ненцы позаимствовали эту удобную железную посуду у коми-ижмцев. Несколько громоздкое для произношения *ва ваялан* превратилось в *ватлан* (два слога *ва* слились, *j* перед *a* перешел в *t*). Затем произошло обратное заимствование уже слова *ватлан* коми-ижмцами, в результате чего оно получило отражение только в ижемском диалекте коми языка.

wosjtan 'Schlüssel' (Schrenk 1854 : 298) < иж. *восътан* 'ключ' (ССКЗД 61), 'ключ для открывания банок' (ИД 137), удм. *устьтон* 'ключ (напр. замка)' (УРС 56); общеп. **o'st-* 'ключ, приспособление для открывания'; коми > хант. *poštan*, *poschtan* [š!]' Riegel, задвижка', манс. *poštan* 'Riegel' (DEWOS 1100; Rédei 1970 : 140).

дзѣдзю 'ящерица' (Журавский 1903) < иж. *дзодзюу* 'ящерица' (ССКЗД 198), ср. также коми *дзодзюв* 'ящерица', комиЯ *žižel*, *čižel* 'маленькая несъедобная рыбка', лет. *kuž žožil*, нв. *čoživ* 'ящерица'. Общек. *čřžžl* (< общеп.? **čřžžl*) (КЭСК 91).

ѣрдан 'большая прорубь (при подледном лове)' (НРС 124); 'прорубь, вырытая во льду реки, моря, куда запускается рюжа' (Бармич 1969а : 136) < вв. иж. л. нв. печ. скр. *йѣрдан* 'иордань' (ССКЗД 143) < рус. диал. *иордань* 'прорубь; прорубь в реке для зимней ловли рыбы' (СРНГ, вып. 12, с. 207). Заимствование могло произойти и через коми язык, о чем говорит фонетическая близость ему ненецкого слова.

jikkā'n 'Türklinke' (JWb. 126) < вв. вым. иж. печ. сс. *ййган*, вс. вым. лл. нв. скр. *иган* 'запор, засов, затвор, задвижка; шеколда' (ССКЗД 135); комиП *jiga-n*, *ййган*; комиЯ *iga-n*; общеп. **jūg-* 'защелка, запор'; коми > хант. *jegan*, *jekan* 'засов, запор'; манс. *jakan* 'крючок (на двери, на окне)' (КЭСК 109; Rédei 1970 : 121). Коми задненёбная звонкая фонема *g* отражается в ненецком языке как *k*, *kk*, см. коми *мегыр* 'дуга, шпангоут' и нен. *мекар*, *теккар*²³.

ku 'Leder' (Schrenk 1854 : 284) < коми *ку* 'шкура, мех, кожа'; комиЯ *ку* 'шкура, кожа' (КЯД 134), удм. *ку* 'кожа, шкура'; общеп. **ku* 'кора, кожа' (КЭСК 143).

kum 'Speicher, Vorratshaus von russischer Form' (JWb. 213) < вв. вым. иж. нв. печ. скр. *кум* 'клеть, кладовая' (ССКЗД 179); *кум* 'клеть, амбар (для вещей)'; коми > рус. *кум* 'особая, чистая комната для гостей в избе у зырян'; коми > хант. *kōt* 'клеть', манс. *kūt* 'чердак'

(КЭСК 145). Т. Лехтисало считал данное слово хантыйским по происхождению (JWb. 213). Скорее всего ненцы могли получить его непосредственно из коми языка.

kup 'Lauge' (JWb. 214) < вв. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс. уд. *кунва*, вс. иж. лет. нв. *кун* 'щелок' (ССКЗД 179); комиЯ *кунва* 'щелок' (КЯД 136), *кунсук* 'зола, оставшаяся в щелоке' (*ва* 'вода', *сук* 'густой, гуща') (КЭСК 146).

лямба 'лыжи' (НРС 174), *іапрр* 'Schneeschuh' (JWb. 216) < коми *лямпа* 'охотничьи необитые лыжи' (ССКЗД 213), комиП *лямпа* 'лыжа, лыжи' (PW 57), комиЯ *л'ампа* 'лыжа', *л'ампайөз* 'необитые лыжи' (КЯД 142). Считалось, что коми *лямпа* — заимствование из ненецкого языка (Rédei 1963 : 282; КЭСК 166). Однако сам тип ненецких лыж — короткие и широкие — коренным образом отличается от общепринятого у коми. Таким образом, факт о ненецком заимствовании вызывает сомнение. Другой тип охотничьих лыж у ненцев не традиционного типа, уже, длиннее и подбиты они оленьим камусом (*хоба* 'лямба, букв. 'шкура — лыжи'), название их считается прямым заимствованием из коми языка (Старцев 1930 : 63). Слово *лямпа* имеется во всех коми диалектах, а также в коми-пермяцком и коми-язьвинском языках. Носители последних, как известно, прямых контактов с ненцами не имели. Таким образом, *лямпа* следует считать исконным коми словом и происходит оно, вероятно, от основы *лям-* со значением 'нечто плоское, сплющенное', ср. *лям* 'плоский, вогнутый' (Лыткин 1889 : 75), *лямавыны* 'стать сплюсненным, расплюсненным, сплюснуться', *лямодны* 'плющить, расплющить, придавить', *лямны* 'мять, разминать, размять (напр., картофель, ягоды)', и непродуктивного суффикса *-па*, ср. *вөрпа* 'зверь' от *вөр* 'лес, лесной', *нойпа* 'ковер, кошма (фольк.)' от *ной* 'сукно, суконный'.

лесак 'леший' (НРС 188) < иж. скр. *лешак* 'леший' (ССКЗД 197) < рус. *лешак* '(в суеверных представлениях) лесной дух в образе очень высокого человека; леший' (СРНГ, вып. 17, с. 31). Ненцы данное слово могли получить непосредственно из коми языка. Коми фонема *š* в ненецком языке отражается как *s*, см. коми *рöшкыд нянь* 'хрустящий съедобный хлеб' и нен. *reska-ñañ*.

луца (мн. *луца*;) 'русский, представитель русского народа'; *іаітшр* 'Russe' (JWb. 230) < коми *роч*, вс. *рöч*, комиЯ *ru-č*, комиП *роч* 'русский', удм. *зуч* то же, общеп. **рöč*. Данное слово в коми языке считается прибалтийско-финским заимствованием (ср. фин. *ruotsi* 'швед'). Коми > хант. *рүт*, *рүтš*, манс. *рöš*, *рöš*, *рүš* 'русский' (КЭСК 243). Коми заимствование слова *луца* впервые установил Ю. Вихманн (под вопросом) (Wichmann 1902 : 183). Коми закрытый *ç* получил в ненецком языке отражение как *y*.

матка 'компас' (НРС 241), *mätкp* 'Kompass' (JWb. 256) < коми, комиП, комиЯ *матка* 'компас' < рус. *матка* то же (КЭСКДоп. 32). Не исключено, что слово попало в ненецкий язык через посредство коми языка, так как оно представлено во всех коми языках и диалектах.

мекар' 'шпангоут' (НРС 307), *mëkkar'* 'Spant eines Fahrzeuges, eines Bootes' (JWb. 271) < коми *мегыр* 'дуга, шпангоут'; производное от *мег* 'излучина' (КЭСК 171); Коми > хант. *mīγar* и др. 'Spante des Bootes (aus e. Wurzelstock)' (DEWOS 215), манс. *ma'ir*: *χäp-m*. 'am Kahnboden angewendete Krummhölzer, Bodenrippen' (Rédei 1970 : 122). Т. Лехтисало (JWb. 271) и В. Штейниц (DEWOS 215) считали данное слово хантыйским заимствованием в ненецком языке, что нельзя при-

знать верным по фонетическим соображениям. Коми задненёбная звонкая фонема *g* отражается в ненецком языке как *k*, *kk*, см. иж. *йиган* 'запор, засов' и нен. *йіккə'n*. Неогубленному гласному верхнего подъема среднего ряда *i* во втором слоге соответствует нен. *a*, см. коми *рöшкыд нянь* 'хрустящий съедобный хлебец' и нен. *reska-ñañ*.

мылья 'небольшая сопка с округлой вершиной и гладкими пологими склонами' (НРС 265) < коми *мыльк* 'холм, бугор, бугорок, возвышенность, курган', комиЯ *мил'к* 'бугор' (КЯД 146), удм. *мыльк-мыльк* 'пучеглазый'; общеп. **milk* 'шишка, выступ, бугорок' (КЭСК 182).

тā 'Honig' (JWb. 250) < коми *ма* 'мед', комиП *ма* то же (PW 57), комиЯ *ма* 'дикий мед' (КЯД 144), удм. южн. *му* 'мед'; общеп. **tā* 'мед' (КЭСК 167); коми > хант. *тā* 'Honig' (MSzFE II 443). Другая ненецкая форма *мяв* 'мед; повидло, джем' (НРС 276), *тāв*, *тāв* 'Honig' (JWb. 250, 269) считается хантыйским заимствованием (DEWOS 898; SKES 341), ср. хант. *тāр*, *тāи*, *тāу*, *тāи* 'Honig'.

напарья 'коловорот' (Бармич 1969а : 108; НРС 285), *пāррāр* 'grosser Bohrer' (JWb. 284) < коми *напарья* 'бурав, сверло' (ССКЗД 234), комиЯ *нəпāрйā* 'большой бурав' (КЯД 151), удм. *напарья* 'сверло, бурав' (УРС 294) < рус. диал. *напарья* 'сверло, бурав' (Фасмер III 42). Т. Лехтисало (JWb. 284) и В. Штейнитц (DEWOS 1008) данное слово считали хантыйским заимствованием, ср. хант. *пāрāр*, *пāрāр*, 'Bohrer, напарье'. По всей вероятности, оно попало в ненецкий язык через посредство коми языка.

ной 'сукно; суконный' (НРС 317); *ной пи* 'покрывало из сукна' (*пи* — общее название покрывала из шкур или сукна для женских нарт), *нойча* букв. 'суконце' — общее название летней паницы, сшитой из сукна (одежда), *-ча* — уменьшительно-ласкательный суффикс (Бармич 1969а : 83, 179, 206); *нойчадась* 'заниматься шитьем паницы из сукна' (Бармич 1969б : 236) < коми *ной* 'сукно', комиП *ной* то же, комиЯ *ной* то же (КЯД 150); общекоми **ngj*; коми > хант. *нūи*, манс. *нūи*, нен. *poi*, *pōi* 'сукно' (КЭСК 193). Коми заимствование в ненецком языке было установлено Ю. Вихманном (Wichmann 1902 : 183).

норт 'длинная нарта с дощатым настилом' (НРС 317) < коми *норт* 'нарты', вс. *nort*, комиЯ *nort* то же, удм. *nurt* 'сани', общеп. **nort*. Славянское *нарты* считается заимствованием из финно-угорских языков (КЭСК 194).

нянь 'хлеб' (РС 353), *нянь* 'каравай', *сэрако нянько* 'булка' (НРС 26, 111) (нен. *сэрако* 'белый'); *нянь хар* 'хлебный нож; нож с тонким широким лезвием, которым режут хлеб' (Бармич 1969а : 107), *нянэйя* 'рожь' (Журавский 1903); *reska-ñañ* 'хлебец или тоненькие пряники и крендельки, пекут при помощи палочек' (Старцев 1930 : 56) и просто *резка* 'хлеб на палках' (Журавский 1903), ср. коми *рöшкыд* 'хрупкий, ломкий, рассыпчатый, рыхлый, легко крошащийся; слобный' < коми *нянь* 'хлеб', комиЯ *н'ан'* то же (КЯД 152), удм. *нянь* то же; общеп. **ñañ* < иран., ср. среднеперс., новоперс. *nān*, курд. *nān*, 'хлеб'; коми > хант. *ñāñ* 'хлеб', манс. *ñiñ*, *ñāñ*, *ñeñ* то же (КЭСК 202). О коми заимствовании *нянь* в ненецком языке имеется указание у Ю. Вихманна (Wichmann 1902 : 183).

няра 'мездра; замша; ровдуга' (НРС 356), *няра эсько* букв. 'замшевый мешочек' (Бармич 1969б : 221), *няра* 'замша' (НРС 90), *ñāřřv* 'Ausseite der Tierhaut (мездра)'; *ñāřřvā*, *ñāřřv* 'Fellteil der Tierhaut' (JWb. 304) < коми *няр* 'замша, облезлая шкурка, перепонка (на ногах водоплавающей птицы)'; иж. уд. *няр* 'мягкая тонкая кожа, замша', удм.

няр, нарзём 'мозоль'; общеп. **ńar* (КЭСК 202); коми > манс. *ńār, ńar* и др. 'csupasz, meztelen; packt', хант. *ńarз, ńar, ńar* 'bloß, unbekleidet (Haupt, Fuß, Hand, Körper)' (Rédei 1970 : 127—128).

ölabuš 'олады' (Старцев 1930 : 56) < уд. *öлабыш*, печ. *алябыш* 'олады' (ССКЗД 11). Олады были наиболее распространенным видом печеного хлеба как у коми-ижемцев, так и у ненцев, так как в условиях тундры трудно испечь настоящий хлеб.

парсь(н) 'свинья' (НПС 253), *pōrs* 'Schwein' (JWb. 358) < коми *порсь* 'свинья', удм. *парсь* то же; общеп. **pōrs*; < индоиран., ср. курд. *purs*; коми > манс. *porëś*, хант. *pūrāš, pōrāš*, нен. *pōrs* 'свинья' (КЭСК 226). О коми заимствовании нен. *pares, pores* писал Ю. Вихманн (Wichmann 1902 : 183). Однако Т. Лехтисало и В. Штейнитц считали, что только форма *pōrs* заимствована из коми языка, остальные формы *pōraqš, pōres* из хантыйского (JWb. 358; DEWOS 1217).

pērnv 'Kreuz', *pērnvā pīl'nv pērnvā* (z. B. von den Griechisch-Katholischen am Hals getragen); 'Heiligenbild' (JWb. 377), *хам'пэрца* 'метка на ухах оленя' (*ха* 'ухо') (НПС 707) < иж. *перна* 'намогильный крест', повсюду *перна* 'нагельный крест' (ССКЗД 281), комиП *перна* 'крест' (PW 69), комиЯ *пэрна* (устар.) 'крест на шее' (КЯД 162); коми > хант. *pirnz, perna* и др. (DEWOS 1214—1215); манс. *pērnā* и др. 'Kreuz' (Rédei 1970 : 135). Т. Лехтисало и В. Штейнитц считали ненецкое слово хантыйским заимствованием (JWb. 377; DEWOS 1214—1215). По всей вероятности, ненцы почерпнули его непосредственно из языка коми-ижемцев.

песан 'стол' (Терещенко 1956 : 199), *pīž'ž'ān, piššān* 'Tisch, Bank, Stuhl' (JWb. 387) < коми *пызан* 'стол', комиЯ *пөзан* то же (КЯД 168), комиП *пызан* то же (PW 73); коми > хант. *pə-sàn, pəsàn, pəsàn* 'стол', манс. *pāsən, pāsən* то же (КЭСК 235).

рать 'сковородка' (НПС 513) < коми *рач* 'сковородка', диал. 'котелок', вс. лл. сс. *рач* 'маленький котелок', вым. 'противень', нв. 'кушанье, жаренное и запеченное на плошке, сковородке', комиЯ *рач* 'сковорода' (КЯД 173), вв. вым. иж. нв. уд. *рач* то же (ССКЗД 340); общеп. **rač* 'плошка, сковородка, котелок' (КЭСК 239).

раһа 'ворона' (Старцев 1930 : 108) < коми *рака*, комиП *рака* то же (PW 76), комиЯ *рака* (устар.) 'ворона' (КЯД 172), иж. уд. *рака* 'воронье' (ССКЗД 317). Вероятно, родилось из звукоподражания, ср. коми *раксыны* 'громко кричать' (КЭСК 239).

сак 'пила' (Старцев (1930 : 61) < иж. *сак* 'пила-ножовка'. В коми языке слово имеет прибалтийско-финское происхождение, ср. эст. *saag*, фин. *saһа* 'пила' (КЭСК 248; КЭСКДоп. 38).

сен 'карман' (НПС 547), *šep* 'Tasche' (JWb. 440) < коми *зен* [зепт-] 'карман', вв. вс. вым. иж. нв. печ. скр. уд. *зен*, лет. сс. *dzen*, комиП *зен*, удм. *žen, žep* то же (КЭСК 105); коми > хант. *šep', šep* 'Tasche' (Toivonen 1956 : 73), манс. *šep* и др. 'Tasche' (Rédei 1970 : 162).

сё-коой 'рубль' (Журавский 1903) < иж. нв. печ. *сё ур* 'рубль' (ССКЗД 400); коми слово сложное: *сё* 'сто', удм. *сю* то же; общеп. **šp* 'сто'; *ур* 'денежная единица; копейка' (КЭСК 252, 298). Элемент *-коой* является окончанием, ср. нен. *селкой* 'рубль' (НПС 247).

силиҫга 'выжарки топленного оленьего сала' (НПС 559) < иж. *шылига, шылега* 'шкварки' (ССКЗД 103). Коми глухая фонема *š* в ненецком языке отражается как *s*, см. иж. *шомпур* 'шомпол' и нен. *сонпур*.

сой 'рукав' (Журавский 1903) < коми *сой* 'рука (от кисти до плеча)',

вс. *сôй*, комиЯ *ki-su-j* (< **ki-su-j*), комиП *ki-soj* то же, удм. *суй* 'рука (от плеча до кисти)'; общеп. **sqj* (КЭСК 260).

сонпур 'шомпол' (НПС 567), *ṣōnṣōr*, *ṣōnṣṣōr*, *ṣōnṣṣūr* 'Ladestock' (JWb. 416) < вв. иж. л. нв. печ. скр. уд. *шомпур* 'шомпол' (ССКЗД 433) < рус. *шомпол*.

сород 'копна сена' (НПС 567), *ṣōrād*, *zorōt* 'Heuschaber' (JWb. 416) < коми *зорōd* 'стог'; комиЯ *зөрөд*, *зөрод* то же (КЯД 116), рус. *зород* 'стог, скирда, клад сена' (КЭСК 106). Т. Лехтисало считает данное слово русским заимствованием (JWb. 416). Скорее всего, оно могло проникнуть в ненецкий язык посредством коми языка. Коми зубная звонкая фонема *з* в начале слова в ненецком языке отражается как *с*, см. коми *зеп* и нен. *сен* 'карман'.

сутуга 'проводака' (НПС 571) < вв. иж. нв. скр. сс. *сутуга*, вым. *сутуг*, уд. *сутык* 'сутуга, проводака' (ССКЗД 351) < рус. *сутуга* 'тонкая железная или медная проводака' (Фасмер III 811).

таман 'замок' (НПС 90), *тăман* то же (НПС 622), *ta'man* [tāmmän] 'тж', *tam'ta(š)* [tāmtä] 'закрывать' (Попова 1978 : 125), *tammän* 'Schloss' (JWb. 464) < коми *томан* 'замок', удм. *тунгон* 'замок (большой висячий)'; *tuṅgon* то же; общеп. **tōṅan* 'замок' (КЭСК 282); коми > хант. *tuma-n*, *tōmàn* 'Schloss' (Toivonen 1956 : 91), манс. *tūman* 'Schloss' (Rédei 1970 : 166). Т. Лехтисало считал, что это слово попало в ненецкий язык из хантыйского (JWb. 464). Более вероятно считать данное слово коми заимствованием.

туёс 'туесок, ведро из бересты' (НПС 674), *tūjṣōš*, *tūjṣāš*, *tujjes* 'zylinderförmiges Gefäß aus Birkenrinde' (JWb. 496) < вв. вс. вым. л. нв. скр. сс. уд. *туйис*, лл. уд. *туйыс*, иж. *туес* 'туес, бурак, круглый берестяной сосуд с тугой крышкой и со скобой или дужкой' (ССКЗД 380), комиП *туис* 'бурак' (PW 36), комиЯ *tūjūis* 'бурак (берестяная цилиндрическая посуда)' (КЯД 188), удм. *tujṣis*, *tujṣis* 'бурак'; общеп. **tōjīs* 'берестяная посуда' (КЭСК 280); коми > хант. *tū-ṣās*, *tūṣās* и др. (Toivonen 1956 : 39), манс. *tujīs* 'Art gundes, schachtelartiges Gefäß aus Birkenrinde mit Deckel' (Rédei 1970 : 165). По мнению Т. Лехтисало, слово заимствовано из хантыйского языка (JWb. 496). На наш взгляд, ненцы переняли название этой посуды из языка коми-ижемцев.

турас 'рубанок' (НПС 676), *turōš*, *trus*, *turūs*, *turrūs* 'Hobel' (JWb. 497) < вв. вым. иж. нв. скр. сс. уд. *струж*, вв. иж. л. *труж* вс. лл. *струг* 'струг (для строгания)' (ССКЗД 348) < рус. *струг* 'инструмент для строгания' (Фасмер III 782). Т. Лехтисало считает слово русским заимствованием (JWb. 497). По фонетическому облику нен. *trus* более близко к иж. *труж*.

урос, *цурос* 'грубо сделанная возовая нарта с четырьмя низкими подпорками и без настила (служит для перевозки тяжелого груза, бочек, полозьев и т. п.)' (НПС 404, 706); *ūrūs*: *ūrūs* *ṣāṅ*, *urōš* *ṣāṅ*, *ūrōš* 'grob gearbeiteter Lastschlitten mit Boden (von den Nachbarn übernommen)' (JWb. 43) < иж. *урес*, *урес додь* 'нарта для тяжелого груза (бочек, полозьев, дров и т. д.)' (ССКЗД 400). Коми *додь* 'сани' буквально переведено на нен. *ṣāṅ*. Коми заимствование ненецкого слова установлено Т. Лехтисало, но без приведения коми материала (JWb. 43).

усь: *усь*, *усь*, *тяха* *пырь* — возглаз, с которым обращаются к пастушьей собаке, чтобы она гнала оленей (НПС 706), *хусь* — окрик на собаку, чтобы она побежала за чем-л. или куда-л. (НПС 786); *пырь!*

окрик на собаку, когда ее за чем-то посылают' (Терещенко 1956 : 238) < вв. печ. скр. сс. *уьсь-уьсь*, сс. *уь-уь*, сс. *уьльс, уьльс*, иж. *nurr-nurr* — междометие, которым натравливают, науськивают собак на кого-л. (ССКЗД 401); *уь-нур* (< *уь-нур*) — возглас, которым натравливают, науськивают собак на крайних пасущихся оленей (ИД 230).

χαηρας 'дрель' (Старцев 1930 : 61) < иж. *кандрас* 'инструмент, применяемый для изготовления деревянных чашек, ложек' (ИД 159), вв. печ. *кандрас* 'ложкарное тесло' (ССКЗД 147), *kandra* 'Schrotmeisel' (Wied. 92).

хор, кор 'печь' (НПС 157, 771), *kōr* 'Ofen' (JWb. 212) < коми *гор* 'каменка', вс. *gor*, комиП, комиЯ *gor* 'печь', удм. *гур* 'печь, печка'; общеп. **gor-* 'печь'; коми > хант. *kōr*, манс. *kōr* 'печь' (КЭСК 78). Т. Лехтисало данное слово считал хантыйским заимствованием в ненецком языке (JWb. 212). Фонетический облик слова свидетельствует о том, что оно могло быть и заимствовано непосредственно из коми языка.

хосәр 'игральная карта' (НПС 774), *χōsər*^э, *kōšq^эr*, *kōššq^эr* 'Spielkarte' (JWb. 195) < вым. иж. лл. печ. скр. сс. *кōзыр*, вв. *kōzir*, вс. *козыр*, нв. *скōзыр* 'козырь (в картах)' (ССКЗД 170) < рус. *козырь* 'карта одной какой-либо масти, объявляемая по правилам игры старшей. бьющей карты всех других мастей' (ССРЛЯ, т. 5, с. 1122); коми > манс. *kasər*, *kāsər*, *kāsər*, хант. *kisər*, *kiser* 'Karte, Spielkarte' (Rédei 1970 : 112, 113). Т. Лехтисало считал, что данное слово русского происхождения (JWb. 195). На наш взгляд, оно могло попасть в ненецкий язык через посредство коми языка. Коми задненебная глухая фонема *k* в начале слова на ненецкий язык передается звуком *χ*, см. иж. *кандрас* 'инструмент для изготовления деревянных чашек, ложек' и нен. *χαηρας*.

хуты^э 'сапоги', *хуты* 'сапог' (НПС 787), *хоты*^э (лит. *хуты*^э) 'сапоги-бродни, сшитые самими ненцами из кожи или шкуры нерпы или морского зайца' (Бармич 1969б : 241); *χūtī*, *χōttī* 'langschäftiger Stiefel aus gegerbtem Leder' (JWb. 296) < вв. вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. ул. *kōti*, иж. *коты*, *кот* 'коты, вид кожаной рабочей обуви' (ССКЗД 173), комиП *котыоз* 'коты (обувь)' (РВ 46), комиЯ *коти* и *кэм* 'один обуток из пары котов'; *көтийөз* 'коты' (КЯД 133). В коми языке *kōti* считается обратным заимствованием из рус. *коты*, который в свою очередь происходит от коми *кот* 'погребальная кожаная обувь' (Матвеев 1964 : 296). Коми *kōti* > манс. *kūta*, *kūta* (КЭСК 135, 143). По сообщению Г. А. Старцева, нен. *хоты* имеют форму полусапога и совпадают с коми *kōti*. Изготавливаются из выделенной коровьей или телячьей кожи (Старцев 1930 : 50). Ю. Вихманн считал, что коми *kōti* заимствовано из нен. *hōti*, *hūti*, *hūti*? 'Stiefel' (Wichmann 1902 : 176). Это утверждение не приемлемо, так как данное слово встречается во всех коми диалектах, а также в коми-пермяцком и коми-язвинском языках.

хыңгна 'бубенчик (на рукаве детской одежды, на оленьей упряжи и т. п.)' (НПС 794). *хыңгна*, *хыңгнако* 'бубенчик' (НПС 25). *šlenko* *šenkv*, *šenkvā*, *šl'enkvā*. *šl'enkv*, *šl'enkv* 'Glocke (Kirchenglocke), Schelle, Klingel' (JWb. 440) < коми *жыннян* 'колокол', скр. *žīññanj*, вв. печ. скр. *джыньян* то же, комиЯ *žөнйан* 'колокольчик (на шее лошади, коровы)' (КЯД 118). Корень слова *žīnj-*, удм. *жынгырес* 'звонкий'; *žīn šuini* 'звенеть'; общеп. **žīñ-* 'звон колокольный'; коми > хант. *šāñkan* (КЭСК 103), манс. *sāñkän* (КЭСКДоп. 21).

ши 'копье' (Журавский 1903) < иж. вв. *ши* 'копье' (ССКЗД 439), коми *шы* 'копье, фогатина, штык', удм. *ши* 'жало, штык, острие'; общеп. **šī* 'копье' (КЭСК 325).

яй 'мясистая часть груди (птиц, животных)' (НРС 832), 'место у крыла по бокам грудной клетки (у гуся)' (Бармич 1969а : 128) < коми *яй* 'мясо; тело, мускулы', комиП *яй* 'мясо, говядина; тело' (РВ 103), комиЯ *йяй* 'тело человека' (КЯД 119), ? удм. *jajtem* 'слабый, вялый, дряблый'; общеп. **jaj* 'организм, тело, здоровье' (КЭСК 336).

яндәва 'круглая деревянная миска для супа' (НРС 842), *jāntäḃḃḃ* 'Holznapf, in dem Brot aufbewahrt wird' (JWb. 81) < вв. л. нв. скр. *яндова*, сс. *яндөва*, вв. *ляндэва* 'ендова (посуда для пива)' (ССКЗД 455) < рус. *ендова*, *яндова* 'пузатый металлический или глиняной сосуд; медная чаша с рожком для разливания пива' (Фасмер II 19—20). Т. Лехтисало считал, что данное слово имеет русское происхождение (JWb. 81). Оно могло попасть в ненецкий язык и через коми язык, где это название посуды широко распространено.

Список этот отнюдь не полный и представляет собой лишь предварительные наброски большой работы. Более пристальное изучение ненецких говоров, безусловно, даст обильный материал для исследования языковых контактов двух народов.

Сокращения

вв. — верхневычегодский, **вс.** — верхнесьольский, **вым.** — вымский, **иж.** — ижемский, **л.** — лузский, **лет.** — летский, **лл.** — лузско-летний, **нв.** — нижневычегодский, **печ.** — печорский, **с.** — сыольский, **скр.** — присытывкарский, **уд.** — удорский.
ВСД — Т. И. Жилина, Верхнесьольский диалект коми языка, Москва 1975; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **КЭСКДоп.** — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка. — Коми филология, Сыктывкар 1975, с. 1—45 (отдельная пагинация) (Труды Института языка, литературы и истории, вып. 18); **КЯД** — В. И. Лыткин, Коми-язвинский диалект, Москва 1961; **НВД** — В. А. Сорвачева, Нижневычегодский диалект коми языка, Москва 1978; **НРС** — Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965; **ПСРЛ** — Полное собрание русских летописей; **РНС** — Русско-ненецкий словарь, Москва 1948; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров, вып. 1—18, Москва—Ленинград 1965—1982; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесьольский диалект коми языка, Москва 1980; **ССРЛЯ** — Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах, Москва—Ленинград 1950—1955; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **Фасмер** — М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. I—IV, Москва 1964—1974; **ЦГИА** — Центральный государственный исторический архив СССР; **ЦГА** — Центральный государственный архив Коми АССР; **JWb.** — Т. Lehtisalo, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki 1956 (LSFU XIII); **PW** — Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows von Károly Rédei, Budapest 1968; **SW** — Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila, Helsinki 1942 (LSFU VII); **Wied.** — F. J. Wiedemann, Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und einem deutschen Register, St. Petersburg 1880.

ЛИТЕРАТУРА

- Бармич М. Я. 1969а, Лексика канинского говора ненецкого языка. Канд. дисс., Ленинград (рукопись).
 — 1969б, Бытовая лексика канинского говора ненецкого языка. — Языки и фольклор народов Крайнего Севера, Ленинград, 203—257.
 Васильев В. И. 1979, Проблемы формирования северосамодийских народностей, Москва.
 Вениамин архимандрит 1855, Самоеды мезенские. — Вестник русского географического общества за 1855, Санктпетербург, 77—140.
 Долгих Б. О. 1970, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, Москва.
 Жданов Л. 1967, Сила дружбы, Сыктывкар.
 Жеребцов Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в., Москва.

- Журавский А. В. 1903, Материалы для русско-зырянско-самоедского словаря. Собран в западной части Большеземельской тундры летом 1903 г. — Архив Географического общества СССР, ф. 36, оп. 1, № 2.
- Иславин В. 1847, Самоеды в домашнем и общественном быту, Санктпетербург (перездано: Budapest 1974).
- История Коми АССР с древнейших времен до наших дней, Сыктывкар 1978.
- Кальман Б. 1952, Русские заимствования из об-угорских языков. — ALHung. I, 249—272.
- Кастрен 1860, Путешествия Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849). — Собрание старых и новых путешествий, часть II, Москва.
- Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, вып. 2, Архангельск 1895.
- Лепехин 1805, Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году, ч. IV, Санктпетербург.
- Лыткин Г. С. 1889, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, Санкт-Петербург.
- Мамадышский Н. Н. 1910, Усинский край. Подворно-экономическое исследование поселений р. Уссы Печорского уезда в 1909 г., Архангельск.
- Матвеев А. К. 1959, Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала, Свердловск (Ученые записки Уральск. ун-та. Языкознание, вып. 32).
- 1964, Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала. — ALHung. XIV, 235—315.
- Микушев А. К. 1970, Эпос колвинских ненцев в его исторических связях с фольклором финно-угров и самодийцев. — Вопросы финно-угроведения, вып. V. Лингвистика. Фольклористика. Этнография. Археология, Йошкар-Ола.
- 1973, Эпические формы коми фольклора, Ленинград.
- Попова Я. Н. 1978, Ненецко-русский словарь. Лесное наречие, Szeged.
- Серебренников Б. А. 1976, О некоторых ареальных особенностях ненецкого языка. — Теория языка. Англистика. Кельтология, Москва, 102—106.
- Старцев Г. А. 1930, Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование, Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1956, Материалы и исследования по языку ненцев, Москва—Ленинград.
- Туркин А. И. 1979, Некоторые ненецкие топонимы на территории Коми АССР. — К истории малых народностей Европейского Севера СССР, Петрозаводск.
- Хомич Л. В. 1976, Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев, Ленинград.
- 1980, Развитие межэтнических связей в Ненецком автономном округе. — Этнографические аспекты изучения современности, Ленинград, 48—63.
- Castrén, M. A. 1856, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St. Petersburg.
- Hajdú, P. 1948—1950, Die Benennungen der Samojuden. — JSFOu LIV, 1—112.
- Rédei, K. (Radanovics) 1963, Juraksamojedische Lehnwörter in der syrjänischen Sprache. — ALHung. XIII, 275—310.
- Rédei, K. 1964, Obi-ugor jövevényszók a zürjén nyelvbén. — NyK LXVI, 3—15.
- 1970, Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen, Budapest.
- Schrenk, A. 1854, Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojuden, zum Arktischen Uralgebirge auf Allerhöchsten Befehl für den Kaiserlichen botanischen Garten zu St. Petersburg im Jahre 1837. Zweiter Theil, Dorpat.
- Toivonen, Y. H. 1956, Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF XXXII, 1—169.
- Wichmann, Y. 1902, Samojedisches lehngut im syrjänischen. — FUF II 165—183.

ADOLF TURKIN (Tallinn)

KOMI-NENZISCHE SPRACHKONTAKTE

Nenzische Stämme erreichten um 1000 den Norden Europas. Bis Mitte des 15. Jahrhunderts gibt es keine historischen Belege über Kontakte zwischen Komi und Nenzen. Dennoch ist bekannt, daß es zu ersten Begegnungen zwischen diesen Völkerschaften irgendwann im 12.—14. Jahrhundert kam. Die Komi-Sprache wurde von den Nenzen aktiv beherrscht und viele von ihnen (besonders die Kolva-Nenzen) übernahmen vollständig die Komi-Sprache.

Die Komi bezeichnen die Nenzen als *jaran*. Dieses Ethnonym kann man in allen Komi-Dialekten wiederfinden und ist fest in Phraseologismen und Toponymen verankert. Der Autor vertritt den Standpunkt, daß *jaran* in der Komi-Sprache entstanden ist — gebildet aus dem Namen für einen nenzischen Stamm *Jar* und dem Wortbildungssuffix *-an*. Später wurde komi *jaran* in das Russische und in obugrische Sprachen entlehnt.

Die Nenzen entlehnten viele Wörter aus der Komi-Sprache. Diese unterscheiden sich nach der Thematik und markieren früher bei den Nenzen unbekannte Gegenstände und Begriffe, wie z. B. des Ackerbaus, der Viehzucht, des Weberhandwerks, des häuslichen Lebens. Im vorliegenden Artikel werden 47 Entlehnungen aus der Komi-Sprache analysiert.

Es ist komplizierter den Einfluß der Komi-Sprache auf die morphologische Struktur des Nenzischen darzustellen, weil Mundarten des Nenzischen, die sich auf dem Territorium der Komi ASSR befanden, völlig verschwunden sind.